

Сравнительная таблица цен на товары потребления в Западной Белоруссии в 1927-28 гг. и 1934 г. [11, 257; 6, 4; 3, 17].

Наименование товара	Среднестатистическая для Западной Белоруссии в 1927-28гг. цена (в злотых)	Цена (в злотых) в Слонимском повете в 1934 г.
Свинина (кг)	1,99	0,85
Пшеница (100 кг)	50,19	14,40
Рожь (100 кг)	39,14	9,9
Ячмень (100 кг)	34,61	10,2
Овес (100 кг)	34,00	9,6
Картофель (100 кг)	9,72	3
Керосин (литр)	0,6	0,4
Сахар (кг)	1,4	1

**БЕЛАРУСЬ, РОССИЯ, УКРАИНА: СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
(ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)**

Лысюк А.И.

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Беларусь, Россия и Украина переживают в настоящее время этап радикальной общественной трансформации, сопровождаемой острыми социоэкономическими конфликтами. На постсоветском пространстве эти конфликты, в первую очередь, имеют *материальное* звучание, выражаясь в степени (не)удовлетворения материальных потребностей граждан государств. Существует несколько измерений потенциала конфликтности в этой сфере в обществе. В первую очередь следует указать на показатель объективный - определение ВВП на душу населения. Согласно данным ООН (2000 г.) в России этот показатель составляет 8377 \$, в РБ - 7544\$, на Украине - 3816 \$ [2, с. 150]. По этому показателю Украина, по сравнению с РБ и РФ, является очевидным аутсайдером, что не может не создавать широкую зону/гамму недовольства общества действующей властью. Существует также показатель субъективный - восприятие гражданами собственных материальных проблем и трансформации материального положения.

Результаты социологических исследований свидетельствуют, что для основной части населения Беларуси в качестве приоритетных выступают как раз потребности материального существования. Так, согласно данным НИСЭПИ (2003 г.), наиболее острые внутренние проблемы, которые стоят перед страной и населением суть экономические: низкий уровень жизни - 40,7%, экономический кризис - 29,9%, инфляция, рост цен и коммунальных тарифов - 22,2%. Сравним: развитие демократии и гражданского общества - 11,7% [9, с. 7].

Для Беларуси характерно и то, что в изменении материального положения наблюдается позитивная динамика. Если в 2000 году, согласно результатам социологического опроса НИСЭПИ, об улучшении материального положения заявили 5,3% опрошенных, а об ухудшении - 59,9%, то в 2003 г. таковых оказалось соответственно 11,6% и 30,6% [9, с. 39]. В качестве виновников этого печального обстоятельства чаще всего назывались, согласно общенациональному социологическому исследованию, проведенному Общественным объединением «Логос» (2003 г.), органы государственного

управления: 45,7% опрошенных назвали правительство, 36,1% - президента, 32,3% - местные власти. Сравним: политические партии - 2,5%.

В связи с этим представляется логичным, что уровень политического доверия к А.Лукашенко должен коррелировать со степенью удовлетворения материальных потребностей граждан государства. В действительности это не так. Как отмечает О. Манаев, «никакой разницы между сторонниками и противниками президента по материальному положению нет... Парадоксальность ситуации усиливается тем, что... почти 70% сторонников президента живут в постоянном страхе остаться без работы». И тем не менее, «стабильная поддержка президента - бесспорный социологический факт» [6, с. 21]. Одновременно нарастание экономических трудностей не способствует росту рейтинга оппозиционных политических лидеров.

Материальные проблемы являются приоритетными и для общественного мнения России. Согласно результатам социологического опроса, проведенного Центром социологических исследований МГУ (2003 г.), 56,6% опрошенных оценивают уровень своих доходов «ниже среднего» и вынуждены экономить на самом необходимом или просто жить в бедности. Однако, как и в РБ, в изменении материального положения россиян наблюдается позитивная динамика: за прошедшее с 1999 г. время в два раза увеличилось количество людей, которые не испытывают особых материальных трудностей. Более того, россияне довольно-таки оптимистично рассматривают свои материально-финансовые перспективы: 23,1% опрошенных полагают, что через год их материальное положение улучшится. Об ухудшении высказались 12,3% респондентов. [8, с. 138-139]. Очевидно, что в РФ и РБ тонус материального беспокойства постепенно и поступательно снижается.

Несколько иная ситуация на Украине. В системе мотивов граждан этой страны так же, как и у граждан РБ и РФ, наблюдается очевидная доминанта материальных потребностей. Однако украинская ситуация обладает своей спецификой: на Украине наблюдается очень высокая степень неудовлетворенности материальным положением: 75,0% жителей Украины испытывают тревогу по поводу неуправляемого роста цен, 64,9% - голода, 50,0% - холода в квартире и т.п. [7, с. 234]. Поэтому нельзя не согласиться с констатацией российских исследователей, что «неудовлетворенность экономическими результатами постсоветского развития на Украине выше, чем в России». [4, с. 85]. Добавим, что подобная неудовлетворенность выше и по сравнению с Беларусью. Обращает на себя также внимание пессимизм жителей Украины относительно перспектив их материального благосостояния: согласно эмпирическим данным Центра Разумкова (2002 г.), 80,5% опрошенных уверены, что материальное положение их семей либо ухудшилось (68,1%), либо не изменилось (12,4%) [1, с. 4]. Высокий уровень материального беспокойства на Украине является потенциальным источником конфликтов как между властью и населением, так и между работодателями и наемными работниками. Справедливости ради следует заметить, что в последние два года тонус материального недовольства несколько снизился. Конфликт интересов в этой сфере вызывает также негативная реакция общественного мнения на чрезмерную дифференциацию общества на богатых и бедных, на «неправедность нажитого богатства», что порождает у части общества ориентацию на перераспределение собственности, в том числе и незаконными методами.

Наше исследование в РБ (2003 г.) показало, что 59,2 % опрошенных считают, что «новые белорусы» присвоили богатство незаконным, часто криминальным путем. Только 18,9% респондентов полагают, что приобретенное ими богатство - это «результат их собственного труда».

Характерно, что жители Беларуси проявляют высокий «перераспределительный синдром»: на экспроприации неправедно нажитой собственности настаивает 47,4%

опрошенных. Интересен и тот социологический факт, что за экономико-правовое регулирование этой проблемы (введение особого налога на имущество) высказались 31,8% респондентов, а 15,4% выступают за то, чтобы «оставить все так, как оно есть». Очевидно, что популистские стратегии, направленные на «экспроприацию экспроприаторов», потенциально могут быть приняты примерно половиной населения Беларуси. Исповедуемый в этом социальном пространстве умеренный экономический эгалитаризм А. Лукашенко достаточно эффективен. К тому же он эмоционально подкрепляется начавшейся войной с российскими олигархами, активно освещаемой в информационном пространстве.

Ситуация в России несколько иная. В целом отношение к крупному бизнесу определяется доминирующей негативной установкой. По данным ФОМ, в первой половине июля 2003 г. более половины опрошенных (59%) были убеждены, что «олигархи» приносят стране «значительно больше вреда, чем пользы». Около 2/3 опрошенных россиян считают, что «большинство богатых людей в России — это воры» (65%) и, что «богатым можно стать, только нарушая законы» (61%). Выиграли же от приватизации, по их мнению, только теневые дельцы и чиновники.

Как следствие этого, по данным ВЦИОМ, в июле 2003 г. две трети опрошенных высказывались в поддержку полного или частичного пересмотра итогов приватизации. Полное возвращение государству всей приватизированной собственности поддерживают 37%. Частичную национализацию (в случаях доказанности нарушений закона при проведении приватизации) одобряют 31%. И только пятая часть опрошенных полагает, что итоги приватизации пересматривать не стоит. Таким образом, за национализацию в той или иной форме выступает 68% жителей России. Сравним: в РБ на экспроприацию настаивает меньшее количество — около 48%.

Очевидно, что в РБ отношение к богатым людям «мягче», чем в России, что объясняется, с одной стороны, отсутствием «олигархического сословия». С другой стороны, гораздо меньшей экономической дифференциацией общества. Так, согласно данным ООН, диапазон неравенства (богачейшие 20% к беднейшим 20%, 2000 г.) в РБ составляет 4,6, в РФ — 10,5, на Украине — 4,3. [2, с. 283]. Однако значительное недовольство общественности Беларуси экономическим расслоением сохраняется. Конфликтность в этой сфере снимается преимущественно нескончаемыми атаками лидера государства и его команды на бизнес-сообщество, что минимизирует конфликтность этой сфере.

Приведенные выше эмпирические данные свидетельствуют о потенциале конфликтности огромной силы, заложенной в чрезмерной экономической стратификации российского общества. Эту конфликтность в некоторой мере снимает нынешняя антиолигархическая политика правящего режима, однако эти попытки робки, непоследовательны, невняты и не решают проблему во всей ее целостности и противоречивости.

Очевидно также, что в Украине недовольство социальным расслоением ниже, чем в России. Проблема состоит в другом: государство не предпринимает реальных шагов для «деолигархизации» экономической жизни, что вкупе с колоссальным недовольством материальным положением большинства граждан Украины чревато социальными потрясениями.

Конфликты интересов имеют и свое социальное звучание. Как справедливо отметил, применительно к России, В. Левашов, «сравнительный анализ стратегических приоритетов политики и актуальных тревог респондентов показывает, что общество и государство пока не слышат друг друга... Их ориентации в жизни не совпадают по критерию социальной важности и очередности. Власть продолжает выстраивать стратегию политической практики в экономических категориях. Общество мыслит социальными категориями» [5, с. 34]. Значительное беспо-

койство населения РБ, РФ и Украины вызывают состояние здравоохранения, безработица и преступность.

Существуют ООНовские критерии оценки качества здравоохранения. Назовем некоторые из них. Так, расходы на здравоохранение на душу населения (2000 г.) в РБ составили 389 \$, РФ – 405 \$, Украина – 152 \$ [2, с. 255]. Коэффициент младенческой смертности (2001 г. на 1000 живорождений) в РБ составил 17, РФ – 18, Украина – 17. Зарегистрированный уровень материнской смертности (на 100 тыс. живорождений 1985-2001) зафиксирован в РБ на уровне 20, в РФ – 44, на Украина – 25. Продолжительность жизни (1995-2000) составила в РБ – 68,5 лет, в РФ – 66,1, Украина – 68,1 [3, с. 263].

По совокупности этих показателей лидером (пусть и не с явным преимуществом) является РБ. РФ и Украина имеют близкие показатели. Именно в последних двух странах состояние здравоохранения превратилось в актуальную социальную проблему.

Вопросы безработицы обладает достаточно высокой степенью остроты для Украины, где о своем страхе потерять работу заявили 84,9% опрошенных [7, с. 234].

Проблема преступности в различных ее вариантах и борьба с ней относится к числу ключевых в современной России. И острота этой проблемы не снимается. Так, отвечая на вопрос: «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?», после «дороговизны жизни» (60%), 44% опрошенных назвали – преступность, 32% – наркоманию, по 31% – терроризм и безопасность, 8% – обострение межнациональных отношений [5, с. 34]. В Украине число респондентов, высказавших свою озабоченность высоким уровнем преступности, превысило две трети от их общего числа. Как следует из результатов социологических исследований, в современной Беларуси в общественном мнении проблемы преступности по степени своей значимости находятся на 5-6 месте. В своем большинстве общественное мнение страны полагает, что власть ситуацию в этой сфере держит под своим контролем.

Следует специально отметить, что для России все большую актуальность приобретает проблема террора. Если еще в апреле 2004 г. в ходе исследования ВЦИОМ терроризм в перечне важнейших проблем называли 15% опрошенных, то в сентябре этого же года уже 45%. Согласно февральскому исследованию (2004 г.) ФОМ 58% россиян уверены в том, что в регионе, где они проживают, может произойти теракт. Среди тех, кто считает, что это невозможно, половина все равно боятся стать жертвой терроризма. Только 32% граждан заявили, что власти предпринимают попытки по защите населения от террористов. 42% утверждали, что такие попытки не предпринимаются, еще 22% затруднились с ответом. Согласно эмпирическим данным Левада-Центра (2004 г.) 75% граждан считают, что власть не способна обеспечить их безопасность. В Беларуси и Украине террор и угроза террора не являются, в восприятии респондентов, актуальной социальной проблемой и если артикулируются, то только для соответствующих манипуляций.

Очевидно, таким образом, что современное украинское общество по большинству параметров конфликтнее белорусского и российского. В нынешней России наиболее актуальные зоны конфликтов находятся в пространстве социальной проблематики и экономической стратификации. В Беларуси социэкономические конфликты имеют тенденцию к сглаживанию, однако имеются существенные причины по поводу ее устойчивости и длительности. В современной Беларуси центр конфликтности все более перемещается в культурно-цивилизационное пространство.

Наряду с этим, потенциально, при сохранении нынешней внутренней политики конфликтность в РБ и РФ будут усиливаться, так как а) чрезмерное государственное вмешательство в экономическую жизнь неизбежно негативно скажется на ее эффек-

тивности, что приведет к обострению социальных проблем; б) все возрастающая этатизация общества объективно способствует его бюрократизации, а следовательно, приводит к отчуждению общества от власти; в) ослабление позиций гражданского общества неминуемо и неумолимо будет понижать потенциал креативности обществ Беларуси и России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гриценко А. Усе найкраще, як і раніше, попереду?!// Інформаційно-аналітичні матеріали до Народного форуму «За демократичний розвиток України». – Київ, 2002.
2. Доклад о развитии человека за 2002 год. Углублении демократии в разобщенном мире. – Нью-Йорк-Оксфорд, 2002.
3. Доклад о развитии человека за 2003 год. – Мн., 2003.
4. Лапкин В.В., Пантин В.И. Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России// Полис, 2004, № 1.
5. Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций// Социологические исследования, 2004, № 7.
6. Манаев О.Т. Белорусский электорат: за и против президента// Аналитический бюллетень БФМ. - 1998, № 1.
7. Прибыткова И.М. Межнациональные отношения и потенциальные конфликты в Украине// Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць. – Харків, 2001.
8. Рязанцев В.В., Ионов А. А. Социально-политическая ситуация в России: мнение населения// Вестник МГУ, сер. 18 Социология и политология, 2004, № 3.
9. Тренды изменения белорусского общественного мнения по некоторым социально-экономическим и политическим проблемам// Новости НИСЭПИ, 2003, № 3.

OBRAZY UNII EUROPEJSKIEJ. WIZERUNKI INTEGRACJI POLSKI Z EUROPA PRZEDSTAWIANE PRZEZ MEDIA MNIJSZOŚCIOWE

Urszula Klimczuk

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Artykuł powstaje w momencie szczególnym – mija bowiem pierwsza rocznica wstąpienia Polski do struktur Unii Europejskiej. Na polskiej scenie politycznej jest to moment przygotowań do ważnych uroczystości, spotkań (15 maja 2005 – Parada Schumana, 16-17 maja 2005 – III Szczyt Rady Europy w Warszawie, by wymienić tylko niektóre z nich). Scena publiczna zaś, niewątpliwie więc scena medialna również, jest płaszczyzną podsumowań, bilansowania historycznej i symbolicznej – i nie mniej realnej w skutkach daty: 1 maja 2004 roku.

Obok więc dynamiki cen samochodów, żywności, ziemi, które to dobra ekonomiczne poddawane są analizie, interesujące wydaje się przyjrzenie się sytuacji podmiotów społecznych nie dominujących, co prawda, lecz stale obecnych na polskiej scenie publicznej – mniejszościach narodowych. Wraz bowiem z wejściem Polski do Unii Europejskiej 471,5 tys. (1,23%)¹ osób znalazło się w nowym dla siebie położeniu społecznym. Jak postrzegana jest przez mniejszość ta sytuacja? Czy w kategoriach szansy na lepszą przyszłość, czy raczej obawy przed nieznanym, a może definitywnie: jako zagrożenie?

¹ Raport z wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002; tu: Rozdział II. Struktura społeczna ludności, www.gus.pl.